

Гость "ВК"

У него голос уникального тембра: контр-тенор, поражающий знатоков и любителей оперного пения у нас и за рубежом. Эрик Курмангалиев исполнял главную роль Сонг Лилинг в нашумевшем спектакле Романа Виктюка "М.Баттерфляй". Сейчас готовит новую сольную программу, премьера которой намечена на март в Белом зале Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

Эрик Салим-Меруэт (Курмангалиев):

ненный путь, прожившие большую красивую жизнь и оставшиеся, несмотря на все моральные давления. Людью с большой буквы.

— Они помогали вам помимо того, что занимались с вами?

— Нет. Я все всегда делал сам. Для меня было достаточно того, что такие люди меня поддерживают морально. Это — счастье. Все остальные мои проблемы не имели для меня никакого значения.

— Вы по-прежнему занимаетесь с Ниной Львовной?

— По мере возможности. Последнее время она часто в разъездах.

— У кого же берете уроки?

— В основном у самого себя. Со мной всегда боялись заниматься педагоги. Мужчина же должен петь мужским голосом, женщина — женским. Исходя из этого "правила", выработаны методические приемы. Ко мне их не применить. Это же обыкновенное "педагогство"! Слава Богу, такого педагога у меня нет. Нужен учитель, делающий из человека Артиста и Человека.

— Когда вы первый раз услышали оперное пение?

— В 12 лет. Арию Кюджери из оперы "Альцина" Генделя. Пела Софья Преображенская. Одно из самых сильных впечатлений моего детства. Тогда я понял: нашел то, что искал. В 13 лет я уже распевал арии из "Аиды", "Орлеанской девы", каватину Леоноры. Мама понимала, что вокал — это мое, и очень меня поддерживала.

— Кто из оперных исполнителей вам интересен?

— Тот, в чьем исполнении большой эмоциональный заряд. Тибальди, Меланова, Моффо, Скотто, Барбьери, Сеньонатто, дель Мо-

— Европейский человек в этом отношении сильно отличается от восточного?

— Думаю, внутренний культ человека у восточных людей сохранен в большей степени, чем у европейцев, несмотря на цивилизацию, развитие и прогресс. Не знаю, в силу чего, но мне кажется, что западные народы именно вот эти внутренние, культовые человеческие традиции в себе растеряли.

— Дэвид Хуан не случайно столь большое значение уделил политическому вопросу в пьесе "М.Баттерфляй"?

— Когда я читал ее оригинал в полном варианте, тема Восток — Запад проходила в ней красной нитью. Главенствовала тема политическая. Думаю, Хуан акцентировал именно эту тему потому, что пьеса писалась для американцев. А американцы уже "все про все знают", что касается человеческих взаимоотношений. Им не интересно проследить природу соблазна. Проблема же политическая, национальная для них — нечто новое, на что они раньше особого внимания не обращали.

— С вашей точки зрения Восток — Запад действительно очень серьезная политико-психологическая проблема?

— Лично мне более близок русский тип характера с его открытостью, безудержностью, непосредственностью, отчаянностью, негибкостью. Русского человека можно очень сильно бить, до такой степени, что, кажется, он уже больше и не шелохнется, его победили. Но в последний момент он все равно встанет, все выдержав. Восточные люди в силу внутренней гибкости, скрытности, сильного внутреннего культа человека больше защищены, нежели европейцы.

— Чья история для вас трагичнее — Сонг или Галлимар?

— Сонг. Галлимар в конце концов защитился тем, что убил себя. А Сонг остался. Продолжает жить после того, что принес себя в жертву, положив себя на ложе политических страстей ради любви.

— А что было бы с Сонгом дальше?

— Думаю, у него два пути. Либо в омут с головой, либо уход в пустыню, и там — самозерцание, самоощущения, обретение мудрости.

— А почему оглянулся Орфей?

— Он решил принести себя в жертву ради того, о чем его просит любимый человек — Эвридика.

— Думаете, она просила его оглянуться?

— Да. А о чем еще может просить один человек другого, если они любят друг друга? Чтобы Орфей посмотрел на нее, поцеловал. А так он идет к ней спиной и не смотрит ради того, чтобы ее спасти.

— Орфей понимал, что, посмотрев, потеряет ее?

— Он понимал, что приносит себя в жертву. Ведь что для Орфея главное? Спасти и вернуть себе ту, которую он считал безвременно и беспричинно ушедшей. Поэтому он либо сам должен спуститься к ней в ад, либо отправиться за ней на небеса, чтобы обрести ее. Финал оперы счастливый, несмотря на трагическое развитие сюжета. Орфея не стало на земле, но на небе он соединился с Эвридикой.

— Что на вас произвело большее впечатление — легенда-миф или музыка Глюка?

— Музыка Глюка. Легенду-миф я давно знал как сказку. Когда на уроках музыкальной литературы в Алма-Атинской консерватории впервые услышал музыку Глюка, она, конечно, сделала со мной невероятное. Глюк услышал чувства Орфея.

— Если бы на месте Орфея оказались Галлимар или Сонг Лилинг, кто бы из них оглянулся?

— Галлимар. Сонг бы не оглянулся.

— Кто на данном этапе вам ближе — Сонг, Орфей или Галлимар?

— Орфей.

— В вашем окружении много людей, которые знают, какой вы один?

— Нет, очень мало. Прежде всего это те люди, которые приходят на мои концерты и получают от меня то, что хотели бы получить, когда я на сцене.

— В жизни вы не общаетесь?

— А зачем? Мы же очень много говорим друг другу через зал. Мы связаны музыкой.

— Для чего человеку нужен имидж?

— Для той же защиты.

— Без него могут затоптать?

— Конечно. К сожалению, имидж часто принимают за суть.

— Из каких соображений?

— Чтобы быть выше этого человека.

— Вам хотелось бы в своей жизни что-нибудь изменить?

— Ни-че-го!

Гостя принимала Ксения МАРШАНСКАЯ. Фото Елены СИДЯКИНОЙ.

"Почему-то многим хочется послушать Баха, когда крепко выпито"

— Вам проще общаться с людьми на "ты" или на "вы"?

— На "вы". Во-первых, соблюдается дистанция. Во-вторых, к кому и зачем обращаешь свои "ты" и "вы". Когда мне соседка по лестничной клетке стучит в стену: "Ты! Прекрати петь!" во время моих экзерсисов, естественно, я говорю ей "вы"... Для меня идеал человека — мой учитель профессор Нина Львовна Дорлиак. Она первая сказала мне: "Мальчик, вы обязательно должны петь", когда я тыркался по каким только можно училищам, слыша везде одно и то же: "Вы прекрасно поете, но нам не нужны". На каком бы эмоциональном уровне мы с Ниной Львовной ни общались, какие бы конфликты, вопросы ни решали, всегда общались на "вы". Но вот однажды вдруг Нина Львовна сказала мне "ты". Я испытал такое удовольствие, такую радость, был так счастлив, что этот человек сказал мне "ты"!

— Вы часто вспоминаете детство?

— Да. Практически — всегда.

— Снится?

— Снится реже, чем я о нем вспоминаю.

— Хочется вернуться в детство?

— Хочется. Хотя теперь мне остается только в него впасть.

— С чем ассоциируется детство?

— ...С абсолютной свободой. Аул, степь, чистейшее голубое небо, палящее солнце, горизонт; на горизонте никого не видно, простор, под тобой — добрый конь или верблюд, рядом стадо баранов. Я их пас, стриг, купал — каждого в отдельности. Это была моя стихия. В любое свободное от школы время я — у дедушки в ауле и, как он, пасу овец. Мое детство — дедушка-пастух, бабушка, отец, избивавший меня до полусмерти, потому что было за что, мама.

— Бараны на самом деле умные?

— Нет. Тупые. Самый умный из всех баранов — козел. Большой, с огромными рогами. Вот он всегда знает, куда нельзя идти.

— А бараны не знают?

— Если один баран провалится в пропасть, остальные пойдут за ним.

— А за что вас лупили в детстве?

— Я был очень упрямым, дерзким, непокладистым. Отец делал правильно, что избивал меня. Таким образом наверняка укреплялся мой характер. Родителей уже давно нет в живых. Отца я потерял в раннем детстве, а мама умерла через 10 лет после смерти папы. У меня

давно никого нет. Это не страшно. Я с ними общаюсь. Они меня все время поддерживают, помогают мне. Я выступаю под фамилией Салим-Меруэт. Салим — имя моего отца, Меруэт — мамы.

— Как вы понимаете силу характера?

— Как способность реально оценивать происходящее, делать выводы и поступать согласно им. Для этого нужны большие внутренние силы, интуиция. Интуицию ставлю выше всего. Не все ею обладают. Не понимаю, например, как человек позволяет себя унижать. Сам позволяет другому себя унижать!

— А почему он это допускает?

— Не знаю. Потому что, наверное, безволен, бессилён, бесхарактерен. Тогда вообще не надо ни за что бороться, не надо иметь никаких идеалов... Нужно хотя бы сделать шаг для того, чтобы попасть в условия, твоему характеру благоприятствующие. Иначе о чем говорить? Тебя просто уничтожат. С твоей же подачи.

— Эту слабость нельзя расценить как своеобразную форму борьбы с тем же хамством и наглостью?

— Можно. Но я этого в принципе не понимаю. И тем более не уважаю тех людей, которые хотят морально или физически унижить другого человека.

— Что значит для вас быть защищенным?

— Уметь внутренне противостоять всему тому, что желает и пытается разрушить твое внутреннее "я".

— Как давно вы научились защищаться?

— Сколько себя помню, всегда защищаюсь.

— Вы были готовы к тому, что в вашей жизни все будет совершенно особенно, не так, как у всех?

— Никогда не был готов. Как я сейчас не готов к тому, что ждет меня завтра. Просто надеюсь, что в определенный момент внутри меня возникнет та защита, которая мне будет нужна. Я, например, не вспоминаю о людях, нанесших мне обиду. Когда познакомился с Ниной Львовной Дорлиак, все, что происходило до этой встречи, было забыто в момент. Потому что в моей жизни появился первый человек, увидевший меня таким, какой я есть, и тем самым вдохнувший в меня колоссальную жизненную струю. У меня прекрасные Учителя. Мне очень повезло. Святослав Рихтер, Зара Долуханова. Люди, прошедшие огромный жиз-

нако, Каллас. Мне нравится, как пели наши, советские певцы в до- и послевоенный период. До начала, скажем, 1970-х годов. Потом что-то изменилось.

— В манере исполнения?

— Да. Появилась странная тенденция исполнять итальянскую музыку как итальянскую, немецкую как немецкую, русскую как русскую. Все в это ударились и начали заниматься не тем, чем надо. А нужно было просто исполнять Музыку. Тем более гениальную музыку.

— Слова в музыке вам не мешают?

— Когда как. Во многих случаях помогают, когда понимаешь, о чем поешь. Если музыка гениальная, а текст не соответствует ее уровню, хочется петь без слов. Хотя гениальная музыка, как правило, вытягивает текст.

— Соседи по-прежнему стучат в стену, когда вы играете на пианино?

— Сейчас реже. В основном — когда я распеваюсь. Если просто играю, не стучат.

— Что вы играете?

— Произведения, которые разучиваю в данный момент. А для себя — "Аве Мария".

— А сами вы сочиняете музыку?

— Раньше сочинял. Сейчас уже нет. Нет потребности. Мне достаточно взять то, что уже написано. Вот если бы я оказался в лесу или в степи, тогда что-нибудь придумал бы.

— Когда к вам приходят друзья, они просят что-нибудь для них спеть, сыграть?

— Нет. Мои друзья никогда ни о чем меня не просят — ни петь, ни играть. Все получается само собой. Просить об этом меня начинают в гостях, на полуофициальных мероприятиях. Такие просьбы — чрезвычайно неприятны; почему-то многим хочется послушать Баха лишь после того, когда будет крепко выпито.

— Отчего это происходит, как вы думаете?

— Создан стереотип воспитания. Это все-таки политика, требующая от людей быть не такими, какими они родились. Ведь мы все — дети природы, как это ни банально звучит. Как та же мышка, лягушка, олень, слон. Хорошо помню, как мои бабушка и дедушка, когда я по ребячеству, допустим, ловил воробья, заглядывал в ласточкины гнезда, говорили мне: "Выпусти. Не трайгай. Это — человек". Такая мудрость присуща кочевым народам, которые свободны от всего. И всю природу, любые ее проявления воспринимают как жизненно необходимые. Потому что чувствуют себя детьми природы.